

АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН

как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны Д'Арк»

Рыская по интернету в поисках пропущенных пушкиноведческих новинок, я натолкнулся на статью одного плодовитого пустозвона, где прочел следующую жалобу: «В пушкинистике теперь царствует хаос деталей, аллюзий, аналогий, которые зачастую просто наплывают друг на друга. Причем подчас это такие детали, аллюзии и аналогии, что различимы они только в микроскоп (см., например, работы А. Осповата и А. Долинина)». Этот выпад я воспринял как в высшей степени приятный комплимент — и не только потому, что в детстве любил чудную книгу «Охотники за микробами», в юности, подрабатывая на кафедре энтомологии ЛГУ, испытал чистый восторг, когда мне разрешили взглянуть в сильный микроскоп на какую-то чешуекрылую диковину, а в молодости на Пневой улице изучал по слепым копиям эмигрантских сборников «метод мелких деталей» А.Л. Бема и «микроскопический анализ» П.М. Бицилли. Больше всего я обрадовался, увидев свое имя рядом с именем А.Л. Осповата, счастливого обладателя такого мощного и тонко настроенного исследовательского микроскопа, какого, по-моему, нет ни у кого другого в нашем и следующих поколениях. Чтобы как-то оправдать комплимент, я начал писать к юбилею А.Л.О. пушкиноведческую заметку в его любимом жанре, которая неожиданно, ввиду обилия значимых «деталей, аллюзий, аналогий», разрослась до размеров большой статьи. Я надеюсь, что А.Л.О. не рассердится на меня за многоглаголанье, в нашем возрасте уже прощительное даже при изъявлении чувств.

В третьем, расширенном издании книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1928) П.Е. Щеголев впервые привел запись из дневника А.И. Тургенева за 1837 год: «9 января. <...> Я зашел к Пушкину: он читал мне сво<й> pastiche на Вольтера и на потомка Jeanne d'Arc»¹.

Как сразу же поняли пушкинисты, Тургенев имел в виду статью «Последний из свойственников Иоанны Д'Арк» (далее ПС), предназначенную, по всей вероятности, для очередного тома «Современника»,

где она и была напечатана после смерти Пушкина. Ранее эта статья не привлекала большого внимания, ибо считалась стандартным продуктом журнальной поденщины — рефератом занятой публикации в лондонской газете *Morning Chronicle*, включавшим перевод переписки родственника Жанны д'Арк, господина Дюлиса, с Вольтером и комментария к ней безымянного английского журналиста². Запись в дневнике Тургенева заставила пересмотреть отношение к статье: проверив изложенные Пушкиным факты, исследователи установили, что они не соответствуют действительности и что ПС, следовательно, представляет собой пушкинскую мистификацию³.

Н.О. Лернер сопоставил вымышленное письмо Вольтера, в котором он отрекается от поэмы «Орлеанская девственница», с отказом Пушкина от «Гавриилиады» и пришел к выводу, что «Пушкиным, когда он создавал свою последнюю мистификацию, владело несомненно глубоко-личное чувство». По мысли исследователя, в ПС, как и в статье (1836) о Вольтере, помещенной в 3-м томе «Современника», содержится «скрытый упрек Пушкина самому себе» за былое увлечение «отрицателем и разрушителем». «Мало чем так ярко знаменуется поворот Пушкина вправо, — писал он, — как этой переменной его отношения к бывшему своему учителю и властителю дум, особенно сильно сказавшейся в занимающей нас статье о последнем родственнике Иоанны Дарк»⁴.

Автобиографическую параллель с делом о «Гавриилиаде», вслед за Лернером, усмотрел в ПС и Б.В. Томашевский. По его замечанию, «Пушкину пришлось отречься от собственного произведения и тем самым стать в положение Вольтера, отрекавшегося от „Орлеанской девственницы“, а так как „Гавриилиада“ кое в чем являлась поэмой „вольтерьянской“ и, в частности, имела точки соприкосновения с той же „Орлеанской девственницей“, то Пушкин эту аналогию ощущал очень остро. Вероятно, под влиянием этого сближения судьбы Вольтера с собственной судьбой он незадолго до смерти написал „pastiche“ на тему об отречении Вольтера от „Орлеанской девственницы“: „Последний из свойственников Иоанны д'Арк“ — род шуточной литературной мистификации, увидевшей свет уже после его смерти»⁵.

Если Б.В. Томашевский, опубликовавший процитированную выше статью в незабываемом 1937 году, со свойственной ему осторожностью обошел стороной опасный тезис Лернера о ПС как дезавуировании Пушкиным собственного вольтерьянства, то Д. Бетеа в недавней книге, наоборот, подхватил и усилил эту интерпретацию, переформулировав ее в духе квазипсихоаналитической теории Гарольда Блума. С его точки зрения, Пушкин в ПС прячется под маской вымышленного англичанина, чтобы освободиться от «порабощающей инакости» («enslaving otherness») вольтерьянских и, шире, французских корней и противопоставить ей свое новое, независимое, более русское «я», отвергающее галльский рационализм⁶.

Совершенно

КАК ПОНИМАТЬ ПОСЛЕДНЮЮ МИСТИФИКАЦИЮ ПУШКИНА

Совершенно иное объяснение смысла пушкинской мистификации было дано Д.Д. Благим, усмотревшим в ней не саморефлективное развенчание Вольтера, а «пародийное переименование действительных событий пушкинской преддуэльной истории»⁷. Гипотеза Благого основывается на замеченных им перекличках между обстоятельствами несостоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом в ноябре 1836 года и вымышленным анекдотом об отказе Вольтера от дуэли с Дюлисом, рассказанным в ПС. «Щекотливый дворянин» Дюлис у Пушкина получает поэму Вольтера «Орлеанская девственница», приходит в ярость, обнаружив в ней «нелепую клевету» на «славную свою прабабку», и требует у автора «удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания»; испугавшийся Вольтер не принимает вызов, представляет себя бедным и больным стариком и уверяет корреспондента, что «никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники». Пушкин получает пресловутый «диплом рогоносца» и посылает вызов Дантесу, напугавший прежде всего «старика Геккерна», который добивается отсрочки дуэли; в конце концов Дантес, как поясняет Благой, «отрекается от своей „великой и возвышенной страсти“ к Наталье Николаевне, заявляя, что на самом деле он любит ее сестру, Екатерину, и просит ее руки. Совершенно явно было, что это поразившее всех „крайнее средство“ было вызвано стремлением во что бы то ни стало избежать дуэли. Пушкин и прямо приписывал это <...> трусости четы Геккерна-Дантеса. Вспомним его замечание в статье по поводу ответа Вольтера Дюлису: „испугался шпаги храброго дворянина“». Согласно Благому, Пушкин в ПС конструирует образ хитрого и трусливого Вольтера, дабы «выставить на посмеяние и поношение» обоих Геккернов — «вольтерьянствующего аристократа, циника и злоязычника, лишенного не только чувства чести, но и вообще каких-либо моральных устоев, „старичка-отца“ и его так называемого „сына“ — наглеца и труса, каким представлялся он Пушкину, „француза“ <...> Дантеса». В конце же статьи устами английского журналиста Пушкин бичует светское общество, ставшее на сторону его врагов, — тех своих современников, которые, подобно современникам Вольтера, готовы «позорить и высмеивать все святое, что есть в мире и человеке»⁸.

Сходное (хотя и более тонко нюансированное) прочтение ПС как памфлета, направленного против Геккерна и Дантеса, позже предложил А.Г. Битов в увлекательном эссе «Шпага щекотливого дворянина»⁹. Гипотезу Благого приняли и новейшие биографы Пушкина: И.З. Сурат и С.Г. Бочаров, а также, с оговорками, Т.Дж. Биньон¹⁰. Однако с ней решительно не согласились В.А. Сайтанов¹¹ и С.А. Фомичев, полемизировавший с Благим в специальной работе, позже перепечатанной с некоторыми сокращениями¹². По мнению Фомичева, ПС представляет собой «художественное произведение», нечто вроде проторомана, где на «широко намеченном историческом фоне» обрисованы три персонажа — наивный Дюлис, пред-

ставитель угасшего дворянского рода, «хитрящий» Вольтер, «снисходительный в своем самоуничтожении», и пристрастный английский журналист, которому не хватает «широты эстетических вкусов». У каждого из них, утверждает исследователь, есть «своя правда», но она «не истина в последней инстанции» и «полностью не выражает авторских оценок», ибо все герои действуют «сообразно со своим жизнепониманием, отставивая, по сути дела, интересы больших социальных групп, и именно в столкновении этих стремлений возникает широкая, объективная, почти неисчерпаемая в своих стремлениях правда жизни»¹³.

Наконец, С.Л. Абрамович попыталась найти компромисс между трактовками Благого и Фомичева. С одной стороны, она признает, что главным сюжетным стержнем ПС «является мотив *отказа от дуэли*», в чем можно видеть «отклик на то, с чем столкнулся сам Пушкин в момент ноябрьской дуэльной истории», но, с другой, предлагает видеть в тексте не памфлет, а многозначное отражение неких «острых проблем, выдвинутых временем», солидаризируясь с выводами Фомичева¹⁴.

Итак, за восемьдесят лет пушкинистами было предложено, *mutatis mutandis*, три интерпретации ПС, каждая из которых вписывает его в определенный, безусловно релевантный для позднего Пушкина экстралитературный контекст (динамика восприятия Вольтера и вольтерьянства; история несостоявшейся ноябрьской дуэли с Дантесом; «раздумья» об исторических судьбах дворянства и буржуазии), но обходит стороной вопрос о жанровой природе текста. Характерно, что и Благой, и Фомичев, и Абрамович попеременно именуют ПС пастишем, мистификацией и пародией, как если бы эти термины были синонимами, хотя в риторике пушкинского времени (не говоря уже о литературоведении XX века) они обозначали разные явления. На наш взгляд, это серьезная методологическая ошибка, ибо, как показал Ж. Женетт, всевозможные имитации (подражания, бурлески, пародии, пастиши, подделки и т.п.), которые он назвал «литературой во второй степени», подразделяются на жанры по двум признакам — по типу отношения к имитируемому образцу-«гипотексту» (трансформация vs. подражание) и по модусу или «режиму» (основные: игровой, сатирический, серьезный; промежуточные: иронический, юмористический, полемический)¹⁵. Так, например, пародия и пастиш являются игровыми жанрами, но отличаются друг от друга отношением к своим «гипотекстам»: первая их трансформирует, второй — имитирует. С другой стороны, собственно «подделка» (*forgerie*) представляет собой «серьезное» подражание. Без распознавания жанра невозможно распознать основные интенции текста и выработать адекватную стратегию чтения. Следовательно, для того, чтобы истолковать смысл пушкинской мистификации, следует выяснить, в каком именно жанре «сделан» ПС и каким образом он соотношен со своими моделями.

Жанровое

КАК ПОНИМАТЬ ПОСЛЕДнюю МИСТИФИКАЦИЮ ПУШКИНА

Жанровое определение «пастиш», данное ПС А.И. Тургеневым (а может быть, в разговоре с ним, — самим Пушкиным) и подхваченное всеми исследователями, нельзя считать вполне точным. В XVIII–XIX веках под пастишем обычно понимали то, что сегодня мы бы назвали стилизацией. В авторитетном глоссарии Мармонтеля «Элементы литературы» (1787) пастиш определяется как «утрированная имитация манеры и стиля писателя» («une imitation affectée de la manière et du style d'un écrivain»), причем подчеркивается, что имеется в виду индивидуальный стиль и воспроизведение его маркированных, узнаваемых черт: «Чем большим <...> своеобразием обладает писатель в оборотах речи и выражениях, тем легче его подделать»¹⁶. Ясно, что ПС не подпадает под это определение и потому может быть назван пастишем только в самом общем, расширительном смысле — постольку, поскольку он имитирует стандартную форму русской журнальной статьи, информирующей читателя о иностранной публикации и включающей фрагменты перевода (моделью Пушкину здесь послужили три его собственные статьи подобного рода, написанные для «Современника»: «Французская академия», «Вольтер» и «Джон Теннер»).

Правда, многие исследователи утверждают, что фиктивное письмо Вольтера к Дюлису являет собой мастерскую стилизацию¹⁷, но к этим утверждениям, не подкрепленным никакими доказательствами, следует отнести *cum grano salis*. Надевая маску Вольтера, Пушкин имитирует, так сказать, склад его лукавства и излюбленный защитительный прием — сетования на старость и болезни¹⁸, но не эпистолярную манеру и стиль. За исключением официальной подписи (о которой речь пойдет ниже), в фиктивном письме не воспроизводится ни одно характерное для вольтеровского стиля выражение, ни один оборот речи, ни одна синтаксическая конструкция. Отсутствие стилистических и фразеологических «калек» мотивировано тем, что апокрифические письма «переводятся» автором не с первоисточника, а с английского перевода, но даже в тех двух случаях, когда Пушкин в скобках дает французские словосочетания — «l'impertinente chronique rimée» («глупая рифмованная хроника» — об «Орлеанской девственнице») и «votre illustre cousine» («знаменитая ваша родственница» — о Жанне д'Арк) — они не находят соответствий у Вольтера.

Особенно интересен первый случай. Пушкину, несомненно, были хорошо известны письма Вольтера 1755 года, когда тот, напуганный известиями о пиратской публикации «Орлеанской девственницы» с компрометирующими его искажениями и интерполяциями, много раз отсылался о собственной поэме в самых нелестных выражениях. Чаще всего Вольтер именовал ее «рапсодией» с добавлением пейоративного эпитета: «abominable rhapsodie» (отвратительная), «indigne rhapsodie» (недостойная), «la rhapsodie infâme» (постыдная) и т.п.¹⁹, так что Пуш-

кину представлялся великолепный случай воспроизвести вольтеровское словоупотребление в сходном контексте. Тот факт, что Пушкин этим случаем не воспользовался, свидетельствует об отсутствии у него обязательной для пастиша установки на имитацию чужого стиля.

Та же установка является непременным признаком пародии, которая, по классическому определению Тынянова, подобно стилизации, живет «двойною жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их <...>. При стилизации этой невязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого»²⁰. Поскольку ни в ПС, ни в его отдельных частях второй, стилизуемый план не обнаруживается, пушкинскую мистификацию следует рассматривать не в стилистическом аспекте, как пастиш или пародию, а в аспекте прагматическом — с точки зрения тех правил чтения, которые текст задает читателю.

По своей прагматике и «режиму» обмана литературные мистификации делятся на два вида: серьезные подделки и шуточные притворства. Главная цель первых заключается в том, чтобы убедить читателя в своей аутентичности. Для достижения максимального правдоподобия создатель серьезной подделки должен, во-первых, полностью самоустраниться из текста, подменив себя сконструированным образом мнимого автора, и, во-вторых, избегать анахронизмов и прочих ошибок-улик²¹. Хотя идеальных, нераскрываемых мистификаций не бывает, для разоблачения наиболее искусных из них требуется тщательный лингвистический, палеографический, исторический и культурологический анализ. Пушкин, сам попавшийся на обман «Гузлы» Мериме, прекрасно отдавал себе в этом отчет. «Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока», — писал он в незаконченной статье «Песнь о полку Игореве» (VII, 344).

Шуточные притворства, наоборот, никого не вводят в заблуждение и сразу разгадываются как памфлеты, иносказания или замаскированные тексты других жанров. По замечанию Е. Ланна, «объяснить „догадливость“ читателя по отношению к таким шуточным подделкам очень легко: автор нимало не заботился о том, чтобы читатель уверовал в аутентичность произведения; в своих памфлетных — а иногда и пасквильных — целях он прибег к подделке как к жанру, не только обнажая на каждой странице безразличие к вопросу о том, примет ли читатель всерьез произведение, но и помогая не верить в аутентичность»²². Большим любителем шуток такого рода был Вольтер, нередко выдававший свои острые философские и политические сочинения за переводы древних или английских авторов. Так, например, в предисловии к «Письмам Меммия к Цицерону» (1771) он писал: «Русский адмирал Шереметев, прочтя их (письма. — А.Д.) в рукописи в римской Ватиканской библиотеке

КАК ПОНИМАТЬ ПОСЛЕДнюю МИСТИФИКАЦИЮ ПУШКИНА

библиотеке, перевел их на свой язык ради забавы и дабы воспитать ум и сердце одного из своих племянников. Мы перевели их с русского языка на французский, поскольку не имели возможности, подобно господину адмиралу, обратиться в Ватиканскую библиотеку, но мы смеем заверить: оба перевода в высшей степени точны. В них можно почувствовать римский дух таким, каким он был в те времена...»²³ Объяснения Вольтера, конечно же, построены так, чтобы им нельзя было поверить: ясно, что ни латинской рукописи, ни адмирала Шереметева, ни перевода с русского языка (которого Вольтер не знал) не существовало, а под «римским духом» следовало понимать дух современного Просвещения.

По сравнению с вольтеровским самоочевидным притворством, пушкинская мистификация выглядит значительно более правдоподобной и имеет некоторые признаки серьезной подделки. Отсылки к историческим личностям и событиям, «точные» даты, топонимы и «цитаты» из оригинальных документов, за которыми С.А. Фомичев увидел «важные исторические вехи», складывающиеся в масштабно намеченную «панораму событий и лиц»²⁴, на самом деле представляют собой обычные для мистификаций маскировочные приемы, чье единственное назначение — обмануть «людей незнающих». Важно, что источником ПС Пушкин называет не фиктивную, а реальную английскую газету *Morning Chronicle* и точно моделирует позицию этого весьма радикального органа партии вигов по отношению к Р. Саути и его поэме «Иоанна д'Арк». Н.О. Лернер напрасно полагал, будто в «таком степенном, серьезном журнале, как „Morning Chronicle“» не «могло быть сказано о поэте-лауреате (в Англии люди, занимающие это место, всегда пользуются чрезвычайным общественным почетом), что он торгует своим вдохновением»²⁵. Именно так в 1820–1830-е годы писала о консервативных верноподданических сочинениях «рenegата» Саути левая, вигская критика, противопоставлявшая им его ранние, свободолобивые поэмы, и в том числе «Иоанну д'Арк»²⁶.

С другой стороны, в комментариях лондонского журналиста явственно слышатся голоса самого Пушкина и прочитанных им немецких и французских (но не английских) критиков «Орлеанской девственницы». Как уже неоднократно было отмечено, характеристика поэмы Саути о Жанне д'Арк — «подвиг честного человека» (VII, 352) — представляет собой формулу, которой Пушкин дважды, в записке «О народном воспитании» и в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», охарактеризовал «Историю Государства Российского» Карамзина (VII, 34, 44). Завершающее ПС восклицание «Жалкий век! жалкий народ!» (VII, 352) перекликается с восклицанием Герцога в финале «Скупого рыцаря»: «Ужасный век, ужасные сердца!»²⁷ По точному наблюдению М.Л. Троцкой (Тронской)²⁸, афористическая фраза о Вольтере «Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение!» (VII, 351) восходит к афоризму Жан Поля: «Voltaire n'a été poete,

qu'une foi, et c'est dans la Pucelle»²⁹. Упрекая французов за «малодушную неблагодарность» и неуважение к «жизни и смерти Орлеанской героини», английский журналист вторит суждениям мадам де Сталь, выступившей со сходными обвинениями по адресу своих соотечественников в книге «О Германии». Французам, которые «не выказали благодарности Жанне д'Арк» и не сделали ничего достойного, чтобы «стереть память о поэме Вольтера», она противопоставляет Шиллера, попытавшегося «восстановить славу французской героини» в «Орлеанской Деве». По ее словам, даже Шекспир, который, как англичанин, относился к Жанне с понятным враждебным пристрастием, смог показать в «Генрихе VI», что «вначале она была вдохновлена небом»³⁰. Таким образом, заключает мадам де Сталь, «одни лишь французы обесчестили ее память; большой недостаток нашей нации состоит в том, что мы не умеем противостоять насмешке, когда ее представляют нам в пикантных формах»³¹.

Наконец, французский источник обнаруживается и у замечания английского журналиста о восторженном приеме, который французская публика оказала «преступной поэме» Вольтера:

Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные его враги были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней стадии кинизма (VI, 352).

Здесь Пушкин прямо следует за «Лицеєм» Лагарпа, где даны сходные оценки как «Орлеанской девственнице», так и «глубокой развращенности народа, с жадностью принявшего книгу», в которой «публичным нападкам подвергнуто все, что является священным среди людей»³². Согласно Лагарпу, никогда прежде бесстыдство порока и богохульства не доходило до такой степени; но хотя порок в поэме нередко противен и подл, а богохульство глупо или грубо, привлекательность дерзкого безбожия и откровенного разврата была настолько сильна, что тот же самый писатель, которого всегда так сурово порицали даже за шедевры, на этот раз, кажется, нашел себе одних сторонников и превратил читателей в своих сообщников. Нет книги, которую лучше бы знали, больше читали и чаще цитировали³³.

Все эти цитаты и реминисценции показывают, что Пушкин отнюдь не стремился, как того требуют правила мистификации, самоустраниться из текста, укрывшись под маской английского журналиста. При ближайшем рассмотрении маска оказывается лишь тонким слоем грима, нанесенным на узнаваемое лицо истинного автора, а общее правдоподобие — обманчивым.

С такой же

С такой же дразнящей двойственностью Пушкин подает и апокрифический анекдот о Вольтере, отказывающемся от собственной поэмы. На первый взгляд само отречение кажется весьма правдоподобным, поскольку Вольтер часто печатал свои полемические сочинения анонимно и славился готовностью трусливо отречься от их авторства³⁴. Например, в 1767 году, которым Пушкин датировал переписку Вольтера с Дюлисом, после выхода в свет шестого, существенно расширенного издания «Философского словаря», он инстинктивно структурировал Дамилавиля: «Смешно приписывать эту книгу господину де Вольтеру, вашему другу. Очевидно, что в нее с большим искусством отобраны статьи более чем двадцати авторов»³⁵. Когда несколько месяцев спустя была анонимно опубликована повесть «Простодушный», Вольтер в письме к Даламберу возмущался тем, что его во всеуслышание объявили автором этого «еретического сочинения», и восклицал: «Что бы там ни говорили, я не имею отношения к „Простодушному“, я не писал „Простодушного“ и никогда бы не стал его писать. Я невинен, как голубь, и хочу быть мудрым, как змий»³⁶.

Однако в случае с «Орлеанской девственницей» Вольтер избрал иную стратегию. Узнав осенью 1755 года о выходе пиратского издания поэмы, он довольно долго думал, как поступить с неожиданно объявившейся «дочкой», и, наконец, обратился с открытым письмом во Французскую академию, в котором жаловался на бессовестных жуликов, распространивших в списках фальсифицированный текст его «шутливого произведения, написанного более тридцати лет назад» («une plaisanterie fait, il y a plus de trente ans»), а затем опубликовавших его «в не менее нелепом и безобразном виде»³⁷. Протест Вольтера получил широкое распространение, но не возымел никакого действия. В новом, так называемом «лондонском», пиратском издании «Орлеанской девственницы» (1756) его письмо в Академию было перепечатано со следующим ироническим комментарием:

Господин де Вольтер, вместо того, чтобы поблагодарить первых издателей этой поэмы за сделанные ими сокращения, жалуется Академии на добавления, которых они не сделали. Это сподвигло нас опубликовать поэму в первоизданном виде. Мы печатаем ее точно по рукописи, которую он сам передал одному из своих друзей и которая содержит его собственноручные исправления. <...> Мы не понимаем, почему господин де Вольтер лишает наследства своего ребенка после того, как он положил тридцать лет на то, чтобы произвести его на свет. Для нас, англичан, в этом нет ничего стыдного; мы понимаем шутку³⁸.

В дальнейшем Вольтер никогда не отказывался от авторства поэмы, а лишь дезавуировал ее многочисленные пиратские издания (с 1755 по 1767 год они выходили 26 раз)³⁹. По Пушкину, Дюлис читает

«Орлеанскую девственницу» в одном из них: в иллюстрированной книге малого формата, напечатанной в Голландии. Такая книга действительно существовала, — она вышла в 1765 году под двойной маркой «À Conculix / Aux Délices»⁴⁰, но в ней Дюлис должен был прочитать как вышеупомянутое письмо Вольтера в Академию, так и предисловие издателей, которое не оставляло никаких сомнений в том, кто написал «Орлеанскую девственницу».

Поэма Вольтера, — писали издатели, — подобна внебрачному ребенку этого великого человека. Вот почему он называет ее *моя Жанна*, тем самым выказывая, наверное, свое расположение к ней. Нет никакого сомнения в том, что он дорожит ею по крайней мере не меньше, чем самыми любимыми из своих законных детей, и этим все сказано⁴¹.

История публикаций «Орлеанской девственницы» легко реконструировалась по материалам, включенным в собрание сочинений Вольтера, которое имелось в пушкинской библиотеке, и, по всей вероятности, была хотя бы в общих чертах Пушкину известна. Поэтому он не мог не понимать, что в 1767 году Вольтер вряд ли стал бы говорить, что он писал о Жанне только в «Генриаде» и «никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники», ибо подобные утверждения легко опровергались ссылками на его собственные, широко известные публичные заявления. В истинно «счастливой подделке» Вольтер оправдывался бы по-другому, обвиняя издателей в злонамеренных искажениях и отказываясь, как Пушкин в «Опровержении на критики», «отвечать за перепечатание грехов» своей молодости.

Противоречат правилам серьезной мистификации и очевидные ошибки, допущенные Пушкиным в рассказе об истории рода Дюлисов. В его распоряжении были документы, содержащие все основные сведения о семье Жанны, — те самые королевские грамоты, «подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис» (VII, 349), о которых говорится в ПС. Они были опубликованы Ж.А. Бюшоном в качестве приложения к сборнику «Хроника и процесс Орлеанской Девы» (1827), который сохранился в библиотеке Пушкина⁴². Из этих документов следовало, что Жанна была родом из деревни Домреми в округе Шомон (*au bailliage de Chaumont*) и что у нее было три родных брата: Жан, Жакман и Пьер Пререль. В 1429 году король Карл VII даровал Жанне, ее родителям и братьям дворянское звание, герб и фамилию Дюлис (*Dulis*) с правом наследования дворянства как по мужской, так и по женской линии. В 1550 году внук или правнук дочери брата Жанны Пьера, Робер ле Фурньер, барон Турнебу (*Robert le Fournier, baron de Tournebu*) из Нормандии и его племянник Лука дю Шеман, сеньор из Ферона (*Lucas du Chemin, seigneur du Feron*), обратились к Генриху II (а не III, как у Пушкина) с просьбой

КАК ПОНИМАТЬ ПОСЛЕДнюю МИСТИФИКАЦИЮ ПУШКИНА

с просьбой подтвердить их право пользоваться гербом и привилегиями Дюлисов. В 1612 году аналогичную петицию подали королю Людовику XIII братья Шарль и Люк Дюлисы, которые доказывали, что они ведут свое происхождение по прямой линии от Пьера Пререля д'Арк. Пушкин, безусловно, изучил эти документы (соответствующие страницы в его экземпляре книги разрезаны), но воспользовался ими весьма своеобразно. Он не только придумал Жанне, как указал еще Лернер, небытового брата, дав ему имя ее праправнучатого племянника Луки из Ферона (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), подателя петиции 1550 года (хотя вполне мог назвать своего Дюлиса продолжателем рода Жана, или Жакмана, д'Арк, о потомстве которых почти ничего не известно), но и составил невероятную комбинацию из приведенных в источнике географических названий. По Пушкину получается, что замок Дюлиса («Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine» [VII, 350]) находился одновременно в трех местах, отстоящих друг от друга на сотни километров: в Нормандии (*Tournebu*), на родине Жанны д'Арк, в округе Шомон (baillage de Chaumont) и в Туррене (*en Tourraine*)⁴³. Навряд ли эта абракадабра возникла по авторскому недосмотру — скорее, Пушкин намеренно смешал имена и топонимы, указанные в документах, чтобы придать мистификации черты шутового притворства.

Едва ли случайные неточности обнаруживаются и в апокрифическом письме Вольтера. У Пушкина в цитате из «Генриады» он обращается к Жанне на «ты» («Et toi, brave Amazone» [VII, 351]), тогда как в тексте поэмы стоит «вы» («...et vous, brave amazone, / La honte des Anglais, et le soutien du trône»⁴⁴). В подписи к письму неверно указан придворный чин Вольтера — на самом деле он был не «gentilhomme de la chambre du roi» (VII, 351), как в ПС, а «gentilhomme ordinaire de la chambre du roi» (что, в отличие от первого чина, давало ему право не появляться при французском дворе и жить за границей) и обычно именно так и подписывал официальные письма⁴⁵.

Как представляется, неправдоподобные допущения, скрытые цитаты и ошибки в ПС образуют систему улик, с помощью которых читатель мог бы догадаться, что он имеет дело с мистификацией или, вернее, с искусной игрой в нее. В таком случае ключом к разгадке жанровой природы текста должна была послужить странность в заглавии ПС, где Дюлис назван *свойственником* Иоанны д'Арк (которая, как нетрудно понять, сама ни с кем в свойстве не состояла и состоять не могла), что противоречит тем сведениям о родословной «щекотливого дворянина», которые приведены в его письме: «...вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону... от коего происхожу *по прямой линии*» (VII, 350). Редакторы «Современника», очевидно, решили, что Пушкин случайно допустил обмолвку, и при публикации ПС заменили «Последний из свойственников» на «Последний из родственников»⁴⁶.

Но поскольку эта несуразность, как мы видели, лишь открывает достаточно длинный ряд неслучайных ошибок, у нас есть все основания рассматривать ее как сигнальный прием, цель которого — самораскрытие мистификации⁴⁷.

Таким образом, анализ показывает, что ПС представляет собой мистификацию смешанного типа, сочетающую внешние признаки серьезной подделки с элементами игрового, шуточного притворства. Несомненно, Пушкин хотел, чтобы некоторые, самые искушенные читатели поняли, что переписка Дюлиса с Вольтером сфабрикована, и попытались бы разгадать тайный смысл текста. Заранее сообщив А.И. Тургеневу, что его статья — это мистификация, он явно начал готовить почву для такого прочтения. Можно с полной уверенностью предположить, что, если бы ПС был опубликован при жизни Пушкина, словоохотливый А.И. Тургенев немедленно раскрыл бы секрет «пастиша» многим друзьям и знакомым, тем самым обеспечив особо пристальное внимание к содержанию статьи.

Эти гипотетические читатели ПС (которые, собственно говоря, и были его главными адресатами), зная или догадавшись, что имеют дело с мистификацией, непременно занялись бы поисками ее второго, не стилистического, а памфлетного плана и, по всей вероятности, связали бы его — как Благой или Битов — с развертывающимся на их глазах скандальным конфликтом между Пушкиным и Геккернами, тем более что 10 января 1837 года Дантес, обвенчавшись с Е.Н. Гончаровой, стал *последним свойственником* Пушкина. Они могли бы заметить, что непристойная книга, оскорбившая семейную честь Дюлиса, имеет двойное — *французско-голландское* — происхождение, и усмотреть в этом намек на оскорбительное поведение француза Дантеса и его приемного отца, голландца Геккерна, по отношению к семье Пушкина. Однако, не обремененные нашим знанием всех обстоятельств и трагической развязки конфликта, они, в отличие от современных исследователей, едва ли восприняли бы статью как «осмеяние и поношение» врагов Пушкина, но отнеслись бы к ней как к источнику информации о событиях, которые привели к «ложному финалу» драмы — к вызвавшей много толков помолвке и свадьбе Дантеса и Е.Н. Гончаровой.

Анна Ахматова убедительно показала, что в декабре 1836 — начале января 1837 года — то есть именно в тот период времени, когда был написан ПС⁴⁸, — в петербургском свете имели хождение две конкурирующие версии происшедшего, геккерновская и пушкинская⁴⁹. Согласно первой из них, Дантес сделал предложение Е.Н. Гончаровой из самых благородных побуждений, чтобы спасти честь Н.Н. Пушкиной⁵⁰; согласно второй, он поступил так из трусости, испугавшись поединка с Пушкиным и разоблачения подлых интриг старшего Геккерна. Но если Геккерны обладали всеми средствами и возможностями для

распространения

КАК ПОНИМАТЬ ПОСЛЕДнюю МИСТИФИКАЦИЮ ПУШКИНА

распространения своей версии и умело ими пользовались, то у Пушкина руки были связаны обещанием не разглашать тайну вызова и несостоявшейся дуэли. Судя по всему, ПС был задуман Пушкиным как «сильный ход» в борьбе версий, который позволил бы ему, не нарушив данное слово, в иносказательной форме сообщить читателю, каким образом на самом деле развивались события и как он предлагает их оценивать. Именно поэтому он так тщательно избегает прямых биографических параллелей, инвертируя социальные маркеры противников (оскорбленный Дюлис ничего не смыслит в литературе, как Дантес, тогда как его оскорбитель — самый известный писатель страны, как Пушкин), а представляет конфликт как своего рода моралите, где противоборствуют не характеры, а одномерные фигуры, олицетворяющие определенные моральные качества.

«Добрый и честный Дюлис», «щекотливый» (то есть крайне чувствительный) дворянин, вступающий за честь семьи и «в первом порыве негодования» посылающий вызов обидчику, олицетворяет благородное простодушие, которое Пушкин, как известно, считал свойством гения (ср. в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «...тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным» [7, 43]⁵¹). Нельзя не заметить, что в неотосланном письме к старшему Геккерну от 21 ноября 1836 года Пушкин охарактеризовал самого себя почти теми же словами, что и Дюлиса в ПС: «Je suis, vous le voyez, bon, ingénu, mais mon cœur est sensible» (X, 470; буквально: «Я, как видите, добр, простодушен, но мое сердце чувствительно»).

Антагонист Дюлиса, старый, семидесятитрехлетний Вольтер⁵², персонифицирует противоположные качества: трусость и хитроумный цинизм. В контексте мистификации его образ — это почти такая же проективная условность, что и образ Дюлиса. Вольтер здесь нужен Пушкину прежде всего как автор бесстыдного литературного произведения, опубликованного анонимно и не осужденного обществом, которое можно было бы соотнести с бесстыдным поведением Геккернов и, в частности, с анонимным дипломом рогносца, к составлению которого, по убеждению Пушкина, был причастен барон-«старичок». Кроме того, Вольтер представляет за созданную в предреволюционной Франции при самом активном его участии культуру «самовластного господства насмешки», которую столь красноречиво обличала мадам де Сталь:

У природы есть в запасе много способов утешить человека в тяжком горе: гений в силах противостоять превратностям судьбы; честолюбец — бороться с опасностями, человек добродетельный — сносить наветы клеветников, однако перед лицом насмешки мы беззащитны: ворвавшись в нашу жизнь незаметно, она обращается против нас и исподволь порочит даже самые наши достоинства.

Легкомысленное презрение чинит расправу над чистейшим энтузиазмом, насмешка отнимает у страдающего человека все те прекрасные слова, которые даровала ему природа; энергические выражения, непринужденный тон, даже поступки — поступки, продиктованные великодушием, — все это невозможно без веры в одобрение окружающих; для благородных душ холодные шутки смертельны.

Насмешник не прощает привязанности к чему бы то ни было в мире; он издевается над всеми, кто принимает жизнь всерьез и продолжает верить в неподдельные чувства и великие цели. Поступки его, пожалуй, продиктованы своеобразной философией: насмешник — гений разочарования, заставляющий всякое душевное признание замирать на устах, не позволяющий свободно излиться даже гневу, топчущий надежды юношей. Лишь наглomu пороку нечего опасаться его укулов⁵³.

Видя или, по слову В.А. Соллогуба, «воображая себя осмеянным и поруганным в большом свете», Пушкин, надо полагать, прекрасно понимал, что Геккерны и их сторонники умело пользуются тем самым оружием, которое ввела в обиход вольтерьянская культура насмешки, и хотел обратить его против своих врагов. Самым смешным персонажем в ПС оказывается не простодушный Дюлис, а великий насмешник Вольтер, трусливо избегающий дуэли ценой отказа от своего любимого детища. Именно так, согласно пушкинской версии, вели себя в сходной ситуации оба Геккерна: чтобы избежать поединка, младший был вынужден отречься от своей «великой и возвышенной страсти» и, как писал Пушкин в неотправленном ноябрьском письме его приемному отцу, «играть роль столь потешную и жалкую, что <...> (Н.Н. Пушкина. — А.Д.), удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха»⁵⁴, а старшему пришлось, согласившись на брак Дантеса, отказаться от безраздельной близости с «сыном»-любовником.

Пушкин отнюдь не был уверен в том, что его версия событий возьмет верх даже после публикации мистификации-памфлета. Когда в финале ПС английский журналист предполагает, что, если бы «вызов доброго и честного Дюлиса» стал известен современникам, над ним все равно надсмеялись бы как «в философических гостиных», так и в большом свете (VII, 352), за этими словами прочтываются опасения Пушкина, что и полное знание главных обстоятельств его ссоры с Геккернами не склонит общественное мнение в петербургских гостиных и залах на его сторону. Поэтому в ПС он обращается не только к современникам, но и к «грядущему поколению» — к тем, кто, подобно вымышленному английскому журналисту, предаст гласности и прокомментирует историю несостоявшегося поединка. Английский журналист, пишущий через семьдесят лет после обмена письмами между Дюлисом и Вольтером, дает участникам столкновения такую нравственную оценку, которую, как хотел верить Пушкин, когда-нибудь получит его

несостоявшаяся

КАК ПОНИМАТЬ ПОСЛЕДнюю МИСТИФИКАЦИЮ ПУШКИНА

несостоявшаяся дуэль. Задумывая ПС, он, естественно, не предполагал, что через месяц конфликт с Геккернами вспыхнет с новой силой и разрешится его гибелью, и, должно быть, боялся другого исхода — того, что скандал постепенно сойдет на нет, надолго оставив пятно на его репутации. В таком случае ему приходилось надеяться только на справедливый суд потомков, которые разберутся в происшедшем и, как английский журналист, гневно осудят его обидчиков и клеветников.

В последние годы жизни Пушкин нередко пытался представить себе, как о нем вспомнят внуки, и вести с ними то серьезный, то шуточный разговор. Не станем обсуждать хрестоматийные примеры — концовку «Вновь я посетил...» и «Памятник», а обратимся к поздним записям в пушкинском дневнике. Описание бала в Аничковом дворце Пушкин, по его словам, оставляет «в пользу будущего Вальтера Скотта»; упоминая костюм Бобринского на придворном маскараде, он делает в скобках *«Замечание для потомства»*, а когда ему недосуг пересказать новейшие сплетни, иронизирует: «Шиш потомству» (VIII, 43, 46). При этом он отлично понимал, что потомство может судить о прошлом не менее превратно, чем пристрастные очевидцы. Для того же номера «Современника», где должен был быть напечатан ПС, Пушкин готовил статью «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», в которой резко отзывался об искажении образа Мильтона в романе Альфреда де Виньи «Сен-Марс» и особенно в «скучной и чудовищной» исторической драме Гюго «Кромвель». Будучи сам поэт, пишет Пушкин, Гюго «худо понял поэта Мильтона» и оскорбил «великую тень», представив «строгаго творца» «жалким безумцем», «ничтожным пустомелей», «посмешищем развратнаго Рочестера и придворных шутов», который «в течение всей трагедии, кроме насмешек и ругательства, ничего иного <...> не слышит; правда и то, что и сам он, во все время не вымолвит дельнаго слова. Это старый шут, котораго все презирают и на котораго никто не обращает вниманія» (VII, 337–338). Как заметил М.И. Гиллельсон, этот резкий выпад в адрес французских писателей имеет явный автобиографический подтекст и по тону напоминает ПС⁵⁵. Думаю, что мы вправе рассматривать обе статьи как две взаимосвязанные и взаимодополнительные части единого плана объяснения с современниками и «потомством», который Пушкин наметил в конкретной ситуации — в период относительного затишья после ноябрьских потрясений — с расчетом на длительную борьбу за свою репутацию. В ПС он дает основную схему событий, акцентируя мотивы оскорбленной семейной чести, лукавого обмана и насмешки над благородным простодушием; в статье о Мильтоне требует от властей, общества, товарищей по цеху и «потомства» уважения к достоинству поэта, с негодованием отвергая навязываемую ему роль «старога шута» и «ничтожнаго пустомели». 25 января 1837 года, когда Пушкин напи-

сал письмо, обращенное к барону Геккерну, его первоначальный план литературной самозащиты потерял всякий смысл. Вот почему статья о Мильтоне не была дописана, а ПС почти сто лет оставался, по сути дела, непрочитанным.

примечания

- 1 Шеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 264. У Шеголева напечатано «свои», что не согласуется с французским существительным мужского рода «pastiche», стоящим в единственном числе. Заметим также, что предлог «на» в записи Тургенева — это, по-видимому, калька с французского «sur» в значении «о чем-то, о ком-то».
- 2 Ср., например: «В 1837 г., в последний месяц жизни, он (Пушкин. — А.Д.) пишет статью <...> в которой излагает забавный эпизод, имевший место между Вольтером и дальним родственником Орлеанской девы, оскорбленным легкомысленной поэмой» (Мокульский С. Вступление // Вольтер. Орлеанская девственница. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XLI).
- 3 См.: Козмин Н.К. Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам // Сочинения Пушкина. Л., 1929. Т. IX (2). С. 981–982; Лернер Н.О. Замаскированный Пушкин // Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 190–198.
- 4 Лернер Н.О. Указ. соч. С. 195–197.
- 5 Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 127.
- 6 Bethea D.M. Realizing Metaphors: Alexander Pushkin and the Life of the Poet. The University of Wisconsin Press, 1998. P. 87–88.
- 7 Благой Д.Д. Главою непокорной. (Ключ к последнему произведению Пушкина) // Благой Д.Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1977. С. 443.
- 8 Там же. С. 444, 446, 447, 449.
- 9 Битов А. Статьи из романа. М., 1986. С. 231–247.
- 10 См.: Сурат И., Бочаров С. Пушкин: краткий очерк жизни и творчества. М., 2002. С. 217; Винуон Т.Т. Pushkin: A Biography. London, 2002. P. 601.
- 11 Сайтанов В.А. Прощание с царем // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 42, примеч. 11.
- 12 Фомичев С.А. Последнее произведение Пушкина // Русская литература. 1987. № 3. С. 72–83; Фомичев С.А. Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 209–237.
- 13 Фомичев С.А. Праздник жизни... С. 229, 235–236. Аргументацию исследователя, и без того весьма шаткую, существенно ослабляют фактические ошибки, допущенные при обсуждении истории публикации и восприятия «Орлеанской девственницы» (с. 225). К сожалению, некритическое отношение к работе С.А. Фомичева успело отразиться в эдиционной практике: уже в двух изданиях Пушкина ПС без всякого обоснования был перенесен в раздел художественной прозы; см.: Лушкин А.С. Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1994. Т. 4. С. 248–250; Пушкин А.С. Полное собрание художественных произведений. СПб., 2002. С. 824–825.
- 14 Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина, январь 1836 — январь 1837. СПб., 1994. С. 162 и примеч.
- 15 См.: Genette G. Palimpsestes: la littérature au second degré. Paris, 1982. P. 36–39.
- 16 Marmontel J.-F. Éléments de littérature / Édition présentée, établie et annotée par S. Le Ménahéze. Paris, 2005. P. 850. Мармонтель отличает пастиш от пародии и подражания (imitation), которые рассматриваются в специальных статьях. Ср. сходные определения: Deffoux L. Le pastiche littéraire. Paris, 1932. P. 6. Как отмечает Ж. Женетт, автор пастиша обычно дает понять читателю, что ему предлагается имитация некоего текста, тем самым заключая с ним особый «контракт» (contrat de pastiche). См.: Genette G. Op. cit. P. 93, 141.
- 17 См.: Лернер Н.О. Указ. соч. С. 196; Заборов П.Р. Пушкин и Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 7. С. 98, примеч. 53; Благой Д.Д. Указ. соч. С. 447; Фомичев С.А. Праздник жизни... С. 224.
- 18 В статье о Вольтере Пушкин цитировал его письмо к де Броссу (1758), в котором тот, предлагая корреспонденту продать ему участок земли пожизненно, уверял: «Я стар и хвор. Я знаю, что дело для меня

- невыгодно» (Пушкин А С Полное собрание сочинений В 10 т / 4 е изд Л , 1977–1979 Т 7 С 281, далее цитаты из произведений Пушкина и примечаний Б В Томашевского даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы римскими и арабскими цифрами соответственно)
- 19 См *Voltaire Correspondance* IV (janvier 1754 — décembre 1757) / Édition T Besterman Paris, 1978 P 289, 448, 449, 453, 538, 552
- 20 Тьяньнов Ю Н Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тьяньнов Ю Н Поэтика История литературы Кино М , 1977 С 201
- 21 См об этом Ланн Е Литературная мистификация М , Л , 1930 С 53–56, *Gerard G Op cit* P 94–95
- 22 Ланн Е Указ соч С 208
- 23 Вольтер Философские сочинения М , 1988 С 472
- 24 Фомичев С А Праздник жизни С 216
- 25 Лернер Н О Указ соч С 193
- 26 См об этом Madden L Introduction // Southey R The Critical Heritage London, Boston, 1972 P 4, 9–14
- 27 Инвектива «Жалкий народ!» была ранее использована Пушкиным в наброске «Некто у нас сказал », где она адресована французским писателям, пресмыкающимся перед «легкомысленной, невежественной публикой» (VII, 449)
- 28 Троцкая М Л Жан Поль Рихтер в России // Западный сборник М , Л , 1937 [Вып] 1 С 260
- 29 *Pensées de Jean-Paul, extraites de tous ses ouvrages* Paris, 1829 P 74–75 Книга сохранилась в библиотеке Пушкина *Модзалевский Б Л Библиотека А С Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники Вып IX/X СПб , 1910 № 1031 С 259* Впервые Пушкин использовал афоризм Жан-Поля в незаконченной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834, VII, 214)
- 30 Хотя в комментарии английского журнала Шекспир не упоминается, сравнение Вольтера с «пьяным дикарем», как указал Б В Томашевский (VII, 505), переадресует французскому писателю его собственное высказывание о «Гамлете» в предисловии к трагедии «Семирамида» « cet ouvrage est le fruit de l'imagination d'un sauvage ivre» (Les Œuvres complètes de Voltaire / Publié par T Besterman et al Т 30 Œuvres de 1746–1748 (1) Oxford, 2003 P 160–161, буквально « это произведе-
- ние есть плод воображения какого-то пьяного дикаря»
- 31 *Mme de Stael De l'Allemagne / Nouvelle édition < > par la Comtesse Jean de Pange Т II Second partie La litterature et les arts* Paris, 1958 P 347–348
- 32 *La Harpe Cours de litterature ancienne et moderne* Paris, 1857 Т II P 128 Критикуя Вольтера за поуругание «чести Франции», Лагарп напоминает о тех самых стихах его «Генриады», обращенных к Жанне д'Арк, которые в ПС приводит сам Вольтер « il a livre au ridicule et à outrage la memoire d'une heroine qu'il appelaait dans sa *Henriade*, / Une illustre amazone, / Vengeresse des lis et le soutien du throné » (Ibid P 129) Отметим, что Лагарп цитирует «Генриаду» с ошибками, одна из которых — эпитет «illustre» вместо «brave» — отразилась в ПС, где Вольтер в письме к Дюлису называет Жанну «votre illustre cousine»
- 33 Ibid P 128
- 34 См Шахов А Вольтер и его время Лекции по истории французской литературы XVIII века, читанные в Московском университете СПб , 1907 С 221
- 35 *Voltaire Correspondance* VIII (avril 1765 — juin 1767) / Édition T Besterman (Bibliothèque de la Pleiade) Paris, 1983 P 1168 От авторства «Философского словаря» Вольтер отказывался и в ряде других писем 1767 года См *Voltaire Correspondance* IX (juillet 1767 — septembre 1769) Paris, 1985 P 25, 34, 121 Эту позицию он занял сразу же по выходе первого издания книги в 1764 году и настоятельно просил друзей следовать его примеру (см , например, его письмо Даламберу от 16 июля 1764 года *Voltaire Correspondance* VII (janvier 1763 — mars 1765) Paris, 1981 P 778)
- 36 *Voltaire Correspondance* IX (juillet 1767 — septembre 1769) P 41 (письмо от 3 августа 1767 года)
- 37 *Voltaire Correspondance* IV (janvier 1754 — decembre 1757) P 610
- 38 Цит по *Vercruysse J Introduction // Les Œuvres complètes de Voltaire / Publie par T Besterman et al Т 7 La Pucelle d'Orleans / Edition critique par J Vercruysse Geneve, 1970 P 45–46*
- 39 См аннотированную библиографию изданий поэмы Ibid P 97–122
- 40 Ibid P 104–105 (№ 29)
- 41 Цит по *Vercruysse J Op cit* P 68
- 42 *Collection des chroniques nationales françai*

ses, ecrites en langue vulgaire du treizieme au seizieme siecle, avec notes et eclaircissements, par J A Buchon T 34 Chroniques d'Enguerrand de Monstrelet, nouvelle edition T IX La chronique et procès de la Pucelle d'Orleans, d'apres un manuscrit inedit de la Bibliothèque d'Orleans Paris, 1827 P 378–390, см *Модзалевский Б Л* Библиотека Пушкина № 679 С 178, без указания серии и тома

⁴³ Туррен упоминается в статье о Жанне д'Арк из биографического словаря «La Biographie universelle», процитированной в предисловии Бюшона к сборнику «Хроника и процесс Орлеанской Девы», см *Ibid* P X Туда Жанна отправилась из родных мест на встречу с дофином, проделав путь в 150 лье (около 600 км)

⁴⁴ Les Œuvres complètes de Voltaire / Publie par T Besterman et al T 2 La Henriade Oxford, 1998 P 525 У Вольтера Жанну славит святой Людовик, показывающий королю Генриху IV прошлых и будущих героев Франции на небесах Эти стихи иронически перифразированы во второй песни «Орлеанской девственницы», где святой Дени говорит о Жанне дофину Карлу «Sivez du moins cette auguste amazone, / C'est votre appui, c'est le soutien du trône» (Les Œuvres complètes de Voltaire T 7 La Pucelle d'Orleans P 293)

⁴⁵ См., например, в письмах за 1767 год *Voltaire Correspondance VIII* (avril 1765 — juin 1767) P 848, 873, 874, 963, 1100, 1178, *Voltaire Correspondance IX* (juillet 1767 — septembre 1769) P 32, 62, 64, 206 По утверждению В А Сайтанова, Пушкин на столько усвоил аналогию с Вольтером, что иногда путал «события его жизни и своей» Одним из случаев такого отождествления он называет имитацию подписи Вольтера в ПС, полагая, что «gentilhomme de la chambre du roi» переводится как «камер-юнкер короля» и, следовательно, соответствует придворному чину самого Пушкина «Очевидно, психологическая параллель с французским поэтом была столь глубоко внутренней, — пишет Сайтанов, — что Пушкин порой забывал, что он пишет о другом человеке, о Вольтере, и говорил прямо о себе» (*Сайтанов В А* Указ соч С 42) Это рассуждение основано на недоразумении Исследователь не учел, что Вольтер действительно имел почетный придворный чин, который по положению в иерархии (но не по значению и функци-

ям) можно было бы соотнести с русским чином камер-юнкера, и что, опустив уточняющее прилагательное «ordinaire», Пушкин возвел его в полные камергеры

⁴⁶ *Пушкин А* Последний из родственников Иоанны д'Арк // *Современник Литературный журнал* А С Пушкина, изданный по смерти его кн П А Вяземским, В А Жуковским, А А Краевским, кн В Ф Одоевским и П А Плетневым СПб, 1837 Т 5 С 118–123

⁴⁷ Подобный прием использовал Мериме, давший своей знаменитой мистификации саморазоблачающее заглавие «Гузла», которое представляло собой анаграмму фамилии мнимого автора его предыдущей книги «Театр Клары Газуль» Анаграмму сразу же расшифровал Гете, не поверивший, в отличие от Пушкина, в аутентичность «иллирийских песен» (см *Ланн Е* Указ соч С 98)

⁴⁸ Нижней границей датировки ПС принято считать 1 января 1837 года на том основании, что в первой фразе статьи 1836 год назван прошлым («В Лондоне, в прошлом, 1836 году, умер некто г Дюлис») Однако этот аргумент представляется иллюзорным, так как Пушкин, планируя публикацию ПС в ближайшем номере «Современника», вполне мог (и даже должен был) использовать точку зрения, синхронную выходу журнала, а не времени написания текста Как любезно указал мне В Д Рак, такой сдвиг имеет прецедент в заметке «Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностью» из «Опровержения на критики», написанной осенью 1830 года и предназначенная для публикации в «Литературной газете» в начале 1831 года, Пушкин загодя писал о текущем годе как минувшем (VII, 123–124), см об этом *Краснобородько Т И* Болдинские полемические заметки Пушкина (Из наблюдений над рукописями) // *Пушкин Исследования и материалы* Л, 1991 Т XIV С 175 Ср также *Рак В Д* Пушкин на подступах к поэме «Кавказ» и в работе над нею // *Рак В Д* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям) СПб, 2003 С 160 Поэтому, на мой взгляд, датировать статью правильнее декабрем 1836 — на чалом января 1837 года (не позднее 9 го)

⁴⁹ См *Ахматова А* О Пушкине Статьи и заметки / 3-е изд., испр и доп М, 1989 С 118–119 В примечаниях Э Г Герштейн

- приводится вариант из черновой рукописи Ахматовой, где мысль о борьбе двух версий выражена более отчетливо и развернуто, чем в окончательной редакции статьи: Там же. С. 279–280.
- 50 Подробнее см.: *Абрамович С.* Указ. соч. С. 176.
- 51 В незаконченном прозаическом отрывке «Мы проводили вечер на даче...» один из персонажей укоряет собравшихся за то, что они не верят «простодушию гениев» (VI, 404). Ср. также отзыв о «вдохновенных страницах» Шатобриана в незаконченной статье «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“», которая, по нашему предположению, была непосредственно связана с ПС (см. об этом ниже): «Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках» (VII, 342).
- 52 Из воспоминаний В.А. Соллогуба мы знаем, что Пушкин в разговоре с ним называл барона Геккерн стариком и старичком, хотя разница в возрасте между ними была невелика — всего восемь лет; см.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 304. В рассказах о Пушкине А.О. и К.О. Россетов, записанных П.И. Бартевым, Геккерн — «низенький старик, всегда улыбающийся, отпускающий шуточки, во все мешающийся» (Там же. С. 315).
- 53 *Сталь Ж. де.* О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями / Пер. и коммент. В. А. Мильчиной. М., 1989. С. 272.
- 54 «...je fis jouer à M-r votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'em pêcher de rire...» (X, 470).
- 55 *Гиллельсон М.И.* Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“ // Пушкин: Материалы и исследования. Л., 1979. Т. IX. С. 236. Ср. также: *Долинин А.* Пропущенная цитата в статье Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“ // Долинин А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 216–225.

и время и место
историко-филологический
сборник
к шестидесятилетию
Александра Львовича
Осповата